

РАЗОРВАННЫЙ
КОНТРАКТ
Искра

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

T.Ash

18+

T. Ash

Разорванный контракт. Искра

<https://litres.ru/74231403>

SelfPub; 2026

Аннотация

Днём она — Элис Дюваль, талантливый студент-архитектор, мечтающая строить «Убежища» — дома, где люди чувствуют себя в безопасности. Ночью она — Лекси, эскорт-модель, продающая улыбку и иллюзию близости, чтобы оплатить учёбу и выжить.

Адриан Кросс, владелец строительной империи и инженер до мозга костей, строит из своей жизни бетонные крепости. Контроль и расчёты — единственные его добродетели. Но когда он видит дипломный проект Элис, он понимает: она мыслит так же, как он. Она — недостающая балка, несущая конструкция, которую он так долго не мог рассчитать.

Между ними вспыхивает искра — и стены начинают плавиться. Когда он видит её с клиентом, его доверие рушится, а лёд возвращается. Она оставляет ему свой лучший проект бесплатно — единственное, что оплачено чувствами.

Она решает снова надеть маску. Но теперь это не выживание — это война против собственных иллюзий.

Первая книга трилогии с пронзительным, заставляющим затаить дыхание финалом.

Содержание

Глава 1. Полночь в чужой постели	4
Глава 2. Текстура долга	11
Глава 3. Выставка лжи	18
Глава 4. Инженерный взгляд	25
Глава 5. Правила игры	32
Глава 6. Пентхаус с видом на ложь	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

T. Ash

Разорванный контракт. Искра

Глава 1. Полночь в чужой постели

Горячая вода хлещет по плечам, почти обжигая, но я не делаю её холоднее. Стою под душем в ванной комнате, отделанной серым мрамором, и смотрю, как вода стекает в слив, унося с собой остатки чужой ночи. Намыливаю плечи, шею, грудь — снова и снова, методично, пока кожа не начинает саднить. Запах его геля для душа — дорогой, древесный, с ноткой сандала — прилип ко мне и никак не хочет вымыться. Или это мне просто кажется. Иногда кажется, что этот запах теперь всегда со мной, сколько ни трись мочалкой.

За дверью ванной — тишина. Он уже спит, пожилой бизнесмен с усталыми глазами и печальной складкой у рта. Я оставила его в постели двадцать минут назад, когда убедилась, что дыхание стало ровным и глубоким. Контракт на эту ночь выполнен. Ужин в закрытом ресторане с видом на городские огни, разговоры о его покойной жене, о том, как трудно быть одному в шестьдесят, когда дети выросли и разлетелись по миру. Моя рука в его руке. Мой смех — ров-

но той громкости, чтобы звучать искренне, но не вульгарно. Мои глаза смотрели на него с пониманием и теплотой.

После ужина — эта спальня. Механический танец, в котором я знаю каждое движение наперёд. Он хотел не столько секса, сколько иллюзии близости, возможности снова почувствовать себя нужным. Я дала ему эту иллюзию. Я умею. В этом, собственно, и заключается моя работа — быть зеркалом, в котором клиент видит то, что хочет видеть. Умную собеседницу. Внимательную слушательницу. Женщину, которая восхищается его опытом и не осуждает его слабостей.

Выключаю воду. Капли ещё какое-то время барабанят по мраморному полу, потом стихают. Заворачиваюсь в белый халат, висящий на крючке, — слишком большой, пахнущий кондиционером для белья, а не человеком. Халат, который надевали до меня десятки других. Такая же униформа, как моё чёрное платье на тонких бретелях.

Подхожу к зеркалу. С запотевшей глади на меня смотрит незнакомка с влажными волосами, прилипшими к щекам, и тенями под глазами. Я знаю, что красива, — это мой актив, моя валюта, мой пропуск в мир, где можно заработать достаточно, чтобы не считать мелочь на проезд. Высокие скулы, доставшиеся от мамы, и разрез глаз, который клиенты часто называют «загадочным» или «восточным», хотя во мне нет азиатской крови. Просто удлинённый разрез, придающий лицу выражение спокойной отстранённости. Удобная маска.

Но сейчас, в зеркале чужой ванной, под безжалостным светом ламп, я вижу не маску. Я вижу пустоту. Так легче. Если не вглядываться в собственное отражение, можно не вспоминать, кто ты на самом деле. Можно не думать о том, что где-то там, под слоем грима и отработанных жестов, всё ещё живёт Элис Дюваль — девушка, которая когда-то мечтала создавать красивые дома для счастливых семей.

Я отворачиваюсь от зеркала и выхожу в спальню. Мужчина спит, отвернувшись к стене, его дыхание ровное, почти неслышное. Моё платье лежит на кресле — чёрное, с тонкими бретелями, слишком откровенное, чтобы носить его куда-то, кроме работы. Я одеваюсь быстро, привычными движениями, отработанными до автоматизма. Чёрный шёлк скользит по коже, облегает фигуру. Туфли на высоком каблуке, которые я ненавижу, но которые добавляют мне роста и уверенности.

На прикроватной тумбочке — конверт. Мой гонорар. Я не пересчитываю: сумма оговорена заранее, он платит щедро, не торгуясь. Прячу конверт в сумку — в специальный внутренний карман, который Кира посоветовала сделать на случай, если сумку вырвут из рук на улице. Она всегда думает о таких вещах, Кира. Она вообще мыслит практично, в отличие от меня.

Проверяю телефон. Два пропущенных вызова от Киры и одно сообщение: «Как всё прошло?». Отвечу позже, когда выйду на улицу, когда вдохну ночной воздух, пахнувший бен-

зином и мокрым асфальтом. Сейчас я хочу только одного — поскорее уйти отсюда.

В прихожей задерживаюсь у высокого напольного зеркала в тяжёлой золочёной раме. Вижу себя целиком — высокая, стройная, в чёрном платье, с идеально уложенными волосами, которые, впрочем, уже растрепались. Достая из сумки маленький золотой медальон на тонкой цепочке. Перед выходом на работу я всегда его снимаю. Это единственное, к чему мне страшно прикоснуться грязными руками. Единственное, что осталось от мамы. Я не хочу, чтобы энергия этого места, этих ночей, этих чужих рук касалась его.

Сжимаю медальон в кулаке. Металл нагревается от моей кожи, и я на секунду прикрываю глаза.

Перед внутренним взором — мамина улыбка, её мягкий голос: «Ты будешь дизайнером, Элис. Ты создашь такие дома, что люди будут плакать от счастья». Она говорила это в больничной палате, подключённая к капельнице, когда мы обе знали, что шансов почти нет. Я держала её за руку — тонкую, почти невесомую — и кивала, глотая слёзы. Я обещала ей. Я держу обещание. Просто способ оказался не совсем тот, который она бы одобрила.

Флешбек накрывает внезапно, как всегда, когда я беру в руки кулон. Я не успеваю поставить блок.

Мне восемнадцать. За окном больницы — серый ноябрь, голые ветки царапают низкое небо. Мама лежит на кровати, её кожа почти прозрачная, а пальцы, когда-то державшие

кисть (она была художницей-оформителем и могла превратить любую стену в произведение искусства), теперь слабо теребят край одеяла. Отчим стоит у двери, скрестив руки на груди. Его лицо — маска скорби, но я уже тогда чувствовала фальшь. Просто не хотела верить.

— Ты не волнуйся, малышка, — шепчет мама. Голос у неё слабый, как дуновение ветра. — Всё будет хорошо. Генри позаботится о тебе. Он обещал.

Генри кивает. Его глаза смотрят на меня, и в них — холод, который я пытаюсь игнорировать. Я слишком молода, слишком раздавлена горем, чтобы анализировать. Я просто киваю в ответ. Я верю.

— Обещай, что получишь образование, — мама сжимает мою руку с неожиданной силой. — Ты такая талантливая, Элис. Не позволяй никому тебя остановить.

— Обещаю, мам. Обещаю.

Она улыбается и откидывается на подушку. А потом просит меня наклониться и снимает с себя кулон — тот самый маленький золотой медальон.

— Носи его. Помни — ты сильнее, чем думаешь. Я всегда буду с тобой.

Через три дня мама закрыла глаза навсегда. А спустя три недели после похорон я вернулась из университета и нашла свои вещи сложенными в картонные коробки у входа.

— Это дом моей матери, — сказала я Генри, всё ещё не веря, всё ещё надеясь, что это какая-то ошибка.

Он даже не поднял глаз от бумаг.

— Он был записан на неё, а после смерти перешёл ко мне как к супругу. Ты совершеннолетняя, Элис. Я не обязан тебя содержать.

— Но мама сказала...

— Твоя мать оставила долги. Лечение, кредиты — всё это теперь моя головная боль. Скажи спасибо, что я не требую с тебя компенсации.

Я стояла в прихожей дома, где выросла, и смотрела на человека, которого мама любила. Человека, который клялся ей в верности. И понимала: он ждал. Всё это время он просто ждал, когда она умрёт, чтобы получить дом и избавиться от меня.

Я сжала в руке кулон и ушла. С одной спортивной сумкой, в которой поместилась вся моя прежняя жизнь, и с чувством, что земля уходит из-под ног.

Я открываю глаза. В зеркале прихожей снова я — с кулоном в руке и усталым взглядом. Прошлое отступает, прячется обратно в тёмный угол, где я держу его запертым большую часть времени. Застёгиваю цепочку на шее, прячу медальон под блузку. Туда, где его никто не увидит. Туда, где он будет в безопасности.

Я вызываю такси, стараясь не шуметь. Лифт плавно спускает меня с двадцатого этажа в холл. Ночной портье провожает меня равнодушным взглядом — он привык, что из этого отеля женщины выходят в разное время суток.

На улице меня встречает прохладный воздух и мелкий дождь. Город спит, но не совсем — где-то шумят машины, светятся окна небоскребов, мерцают вывески круглосуточных заведений. Я сажусь в такси, называю адрес, откидываюсь на сиденье.

Телефон снова вибрирует. Кира: «Ты долго. Я волнуюсь». Набираю ответ: «Еду. Всё ок».

За окном проплывают огни ночного города — жёлтые, красные, синие. Я смотрю на них и думаю о том, что завтра важный день. Студенческая выставка. Мой проект. Мой шанс напомнить себе, кто я на самом деле.

Если бы я только знала, кого встречу на этой выставке, я бы, наверное, не спала всю ночь от ужаса. Или от предчувствия. Но я не знала. Поэтому просто закрыла глаза и позволила себе несколько минут тишины, прежде чем вернуться в свою другую жизнь.

Глава 2. Текстура долга

Я просыпаюсь от того, что солнечный луч пробивается сквозь неплотно задёрнутые шторы и падает прямо на лицо. На несколько секунд замираю, не открывая глаз, пытаюсь удержать остатки сна — там было что-то хорошее, что-то про маму и про море, на котором мы были, когда мне было десять. Но сон тает, как туман над водой, и реальность возвращается.

Реальность — это продавленный диван, на котором я сплю, потому что кровать сломалась полгода назад, а на новую нет денег. Это звуки просыпающегося города за окном — гул машин, крики чаек (мы живём недалеко от набережной, это единственный плюс этого района). Это ноющая боль в пояснице после сна в неудобной позе.

Я сажусь и оглядываю комнату. Она маленькая, но уютная — я постаралась сделать её такой. Стены выкрашены в тёплый кремовый, на окнах — шторы, которые я сшила сама из уценённой ткани. На столе — стопки книг по архитектуре и дизайну, ноутбук с треснувшим уголком экрана, образцы тканей и красок. Стены увешаны эскизами — моими и чужими, которые я собираю для вдохновения.

Напротив дивана — мой главный проект. Тот самый, который я повезу сегодня на выставку. Минималистичное жилое пространство, построенное на ощущении защищённо-

сти. Я смотрю на него каждое утро, как верующий смотрит на икону. Это мой якорь в реальности, моё доказательство того, что я всё ещё дизайнер, а не только Лекси.

С кухни доносится запах кофе. Кира уже проснулась.

Я накидываю халат и выхожу в общую зону. Наша квартира — это две крошечные комнаты, кухня, совмещённая с гостиной, и ванная с вечно капающим краном. Мебель старая, доставшаяся от предыдущих жильцов, но мы с Кирой постарались придать ей вид: пледы, подушки, пара постеров на стенах. Кира говорит, что это «богемный шик». Я говорю, что это «бедность с претензией». Но в любом случае это наш дом.

Кира сидит за маленьким кухонным столом с чашкой кофе и листает что-то в телефоне. При моём появлении она поднимает глаза — ярко-голубые, подведённые чёрной подводкой, с длинными нарощенными ресницами. Кира вообще яркая: крашенные платиновые волосы, татуировка в виде змеи на предплечье, губы всегда накрашены красной помадой, даже с утра. Она похожа на экзотическую птицу, случайно залетевшую в нашу серую реальность.

— Выспалась? — спрашивает она вместо приветствия.

— Более-менее.

Я наливаю себе кофе из турки (Кира варит его по-восточному, густой и сладкий) и сажусь напротив. На столе, помимо чашек, разложены счета. Квитанции за квартиру, электричество, интернет. И главный — счёт из университета за

следующий семестр. Я стараюсь на него не смотреть, но он, как магнит, притягивает взгляд.

— Я вчера заплатила за свет и интернет, — говорит Кира, проследив мой взгляд. — Осталась квартплата и твой универ.

Я киваю и вынимаю из сумки конверт, который вчера дал клиент. Отсчитываю купюры. Половину откладываю — это на учёбу. Вторую половину оставляю на жизнь. Денег всё равно не хватает, но уже лучше, чем было неделю назад.

— Надо ещё оплатить материалы для макета, — говорю я, прикидывая в уме бюджет. — Я задолжала в мастерской.

— Сколько?

— Сто пятьдесят.

Кира морщится, но ничего не говорит. Мы обе знаем, что сто пятьдесят — это не та сумма, которую можно просто достать из кармана.

— У меня есть заказ на выходные — говорит она после паузы. — Если хочешь, могу попросить, чтобы тебя тоже взяли. Там корпоратив, нужно сопровождать двух партнёров. Платят хорошо.

Я отпиваю кофе. Он обжигает язык, но я почти не чувствую вкуса.

— Я подумаю.

— Думай быстрее, пока место не заняли.

Кира допивает кофе и встаёт. Она идёт в ванную, а я остаюсь за столом, глядя на разложенные счета. Цифры ска-

чут перед глазами. Я достаю телефон, открываю приложение банка. Баланс: минус четыреста двадцать. Задолженность по кредитной карте. Общий долг за обучение: тридцать две тысячи. Я смотрю на эту цифру и чувствую, как внутри всё сжимается в тугую узел.

Тридцать две тысячи. Это стоимость моей мечты.

Я помню, как поступала в университет. Мне было девятнадцать, я жила у Киры и работала в кафе. Денег катастрофически не хватало, но я верила, что справлюсь. Что возьму кредит на образование, а потом, когда стану успешным дизайнером, выплачу его за пару лет. Тогда это казалось простым и понятным планом.

Но жизнь внесла коррективы. Кредит на образование — это не просто сумма, которую ты берёшь и возвращаешь. Это проценты, которые растут, как снежный ком. Это необходимость платить каждый семестр, иначе тебя отчислят. Это постоянный страх, что однажды ты не сможешь внести очередной платёж — и всё, мечта разобьётся.

Я помню, как Кира впервые рассказала мне об агентстве. Мы сидели на этой самой кухне, и я плакала над очередным счётом.

— Послушай, — сказала она тогда. — Я понимаю, это не то, о чём ты мечтала. Но это способ выжить. Способ остаться в университете. Ты же хочешь закончить?

Я хотела. Я хочу до сих пор. Потому что, если я не закончу университет, всё это будет зря. Все эти ночи в чужих по-

стях, все эти улыбки, которые я ненавижу. Если я не получу диплом, значит, я продавала себя просто так. А это я не смогу себе простить.

Звонок телефона вырывает меня из размышлений. Номер незнакомый, но я знаю, кто это. Агентство.

— Алло?

— Лекси, привет, это Марго, — голос администратора звучит бодро, как всегда. — У нас есть предложение на выходные. Клиент из Европы, приезжает на три дня. Ищет спутницу для культурной программы. Музеи, театры, ужины. Ничего сложного.

Я молчу. Это следующий день после выставки. Если всё пойдёт хорошо, возможно, у меня появятся другие варианты заработка. Но «возможно» — это не гарантия. А деньги нужны сейчас.

— Сколько? — спрашиваю я.

— Восемь тысяч за три дня плюс подарки. Клиент щедрый.

Восемь тысяч. Это даст мне передышку на какое-то время.

— Я согласна.

— Отлично. Скину детали в сообщении.

Марго отключается. Я кладу телефон на стол и смотрю на свои эскизы на стене. Пространство, которое я придумала, — светлое, чистое, безопасное. Там нет места грязным деньгам и чужим прикосновениям. Там есть только гармония и

покой.

Смогу ли я когда-нибудь жить в таком пространстве? Или я навсегда останусь здесь — в мире, где за всё нужно платить собой?

Кира возвращается из ванной. Она уже при полном макияже, волосы уложены, на ней короткий топ и джинсы. Выглядит как фотомодель в выходной день.

— Что сказала Марго?

— Заказ на выходные Три дня.

— Хорошо. Справимся.

Она говорит это легко, без тени сомнения. Для неё эскорт — действительно просто работа. Кира умеет отделять себя от того, что делает. Она не рефлексит, не терзается чувством вины, не плачет по ночам. Я иногда завидую ей. Иногда — жалею. Потому что, когда ты так долго притворяешься, что тебе всё равно, однажды ты действительно перестаёшь чувствовать. А это, наверное, страшнее всего.

Я допиваю кофе и иду собираться. Сегодня важный день. Сегодня я снова буду Элис Дюваль, студенткой-дизайнером, которая верит в своё будущее. Надеваю простую белую рубашку, чёрные брюки, зачёсываю волосы в гладкий пучок. Никакого яркого макияжа, только тон и тушь. Никаких украшений, кроме мамино кулона.

Смотрю на себя в зеркало. Да, так лучше. Так я похожа на человека, которым хочу стать.

Собираю папку с эскизами, упаковываю макет. Всё гото-

во.

— Удачи, — говорит Кира, когда я выхожу из дома. — Позвони, как всё пройдёт.

Я киваю и закрываю за собой дверь.

На улице солнечно. Вчерашний дождь смыл пыль с асфальта, и город выглядит почти красивым. Я иду к метро, сжимая в руке папку с эскизами, и повторяю про себя, как мантру: «Я дизайнер. Я талантлива. Я справлюсь».

В кармане — конверт с деньгами за вчерашнюю ночь. В сумке — счёт за обучение, который нужно оплатить до конца недели. В голове — мысли о том, что ждёт меня на выставке.

Я ещё не знаю, что через несколько часов встречу человека, который перевернёт мою жизнь. Который увидит во мне то, что я так старательно прячу. Который заставит меня поверить, что я достойна большего.

Но пока я просто иду по улице, вдыхаю влажный воздух и надеюсь, что сегодняшней день будет хорошим.

Глава 3. Выставка лжи

Выставочный зал располагался в переоборудованном лофте в индустриальном районе — старая фабрика с высокими сводчатыми потолками и рядами огромных окон, через которые лился резкий утренний свет. Кирпичные стены были выкрашены в белый, но кое-где намеренно оставлены фрагменты старой кладки — дань моде на лофт-эстетику. Я шла от метро, прижимая к груди папку с эскизами и стараясь не наступать в лужи, и думала о том, что этот район чем-то похож на мою жизнь — грубый, неотшлифованный, полный скрытых трещин за свежей краской.

У входа толпились студенты. Кто-то нервно курил, кто-то в последний раз проверял планшеты, кто-то громко смеялся — слишком громко, чтобы скрыть волнение. Я заметила несколько знакомых лиц: Маркус с архитектурного, вечно взъерошенный и влюблённый в бетон; сестры Лин — близняшки, которые всё делали вместе и даже проекты сдавали парные; Джаред, мой главный конкурент по успеваемости, который сейчас стоял у своего стенда с таким видом, будто выставка — это досадное недоразумение на его пути к величю.

Я прошла регистрацию, получила номер стенда и направилась в дальний конец зала. Организаторы выделили мне хорошее место — у окна, где естественное освещение выгод-

но подсвечивало макет. Я расставила всё тщательно: планшеты с эскизами на мольбертах, проекционный экран с 3D-визуализацией, макет в центре на белом постаменте.

Мой проект назывался «Убежище». Никакого пафоса, никаких сложных терминов. Просто дом, в котором человек может чувствовать себя в безопасности. Минималистичный, без лишних деталей, с чистыми линиями и мягким светом. Центральный элемент — световой колодец, который я рассчитала так, чтобы в любое время года в гостиной было ощущение объятия. Не просто комната, а кокон. Место, где можно дышать полной грудью и не ждать удара.

Я потратила на этот проект полгода. Полгода бессонных ночей, когда я сидела над чертежами, пока Кира спала, когда забывала поесть, когда пальцы сводило от бесконечного вырезания деталей макета. Это было моё. Не Лекси, не агентства, не чужих денег. Только моё.

Первые посетители появились через полчаса. Преподаватели — они ходили от стенда к стенду с планшетами, делали пометки, задавали профессиональные вопросы. Я отвечала легко, с той особой уверенностью, которая приходит, когда говоришь о том, что знаешь до мелочей. Профессор Хансен, мой куратор, задержался дольше остальных — он всегда верил в меня, даже когда я сама переставала верить.

— Отличная работа, мисс Дюваль, — сказал он, поправляя очки. — Световой колодец — смелое решение. Вы подготовили расчёты?

— Разумеется.

Я протянула ему папку с таблицами и графиками. Он пролистал, хмыкнул одобрительно.

— Надеюсь, вы представите это на конкурс молодых дизайнеров.

— Планирую.

— Вот и правильно. Талант нужно показывать.

Он двинулся дальше, а я позволила себе короткую улыбку. Талант нужно показывать. Да, профессор. Если бы вы знали, что ещё я показываю по вечерам, чтобы этот талант мог существовать.

Поток посетителей постепенно увеличивался. Пришли представители дизайн-студий, пара архитекторов, несколько потенциальных заказчиков. Я работала как хорошо отлаженный механизм: улыбка, рукопожатие, краткая презентация проекта, ответы на вопросы. В такие моменты я чувствовала себя почти нормальной. Почти той Элис, которой должна была быть.

А потом я заметила его.

Он стоял в стороне от основного потока — там, где заканчивался ряд стендов и начиналось пустое пространство у окна. Высокий, широкоплечий, в сером костюме, который сидел на нём с той особой небрежностью, что стоит больших денег. Тёмные волосы зачёсаны назад, открывая лоб и резкую линию скул. Он не двигался, просто стоял и смотрел. Смотрел на мой стенд.

Я не могла разглядеть его лица в деталях — свет из окна падал так, что черты оставались в тени. Но что-то в его позе, в том, как он держал руки в карманах, заставило меня замереть. Это была не поза случайного зеваки. Он изучал. Оценивал. Ждал.

Я заставила себя отвести взгляд и вернуться к разговору с женщиной из дизайн-студии. Мы обсудили материалы, я дала ей свою визитку — студенческую, с именем «Элис Дюваль» и почтой. Когда она отошла, я снова посмотрела туда, где стоял незнакомец.

Он всё ещё был там.

Теперь он подошёл ближе — не к моему стенду, а к соседнему, где Джаред демонстрировал проект торгового центра. Но я чувствовала, что смотрит он не на торговый центр. Его взгляд скользил по залу, как прожектор, и то и дело возвращался ко мне.

Сердце забилося быстрее. Я одёрнула себя: это просто посетитель. Обычный посетитель выставки. Может быть, инвестор. Может быть, чей-то родственник. Мало ли в городе богатых мужчин в серых костюмах?

Но что-то в нём было не так. Точнее, наоборот — слишком «так». Слишком цельно, слишком уверенно, слишком... опасно. Он не вписывался в студенческую выставку, как бриллиант не вписывается в грудку бижутерии.

Я сделала глубокий вдох и вернулась к работе. У меня были посетители, вопросы, разговоры. Я не могла позволить се-

бе отвлекаться на незнакомца, каким бы завораживающим он ни был.

Через пятнадцать минут я снова подняла глаза. Он стоял прямо перед моим стендом.

Близко. Слишком близко, чтобы я могла рассмотреть его лицо во всех деталях. Серые глаза — холодные, как сталь под дождём. Тонкая морщинка между бровей — такие появляются у людей, которые много работают и мало улыбаются. Губы сжаты в ровную линию — ни намёка на эмоции. Он смотрел не на меня. Он смотрел на макет.

На мой макет.

Он разглядывал его так, как я сама разглядывала эскизы — внимательно, методично, задерживаясь на деталях. Его глаза скользили по фасаду, по световому колодцу, по крошечным деревьям во дворе, по едва заметным линиям несущих конструкций. Он наклонился ниже — и я увидела, как дрогнула его бровь. Заметил. Заметил мой расчёт угла наклона балок. Мою инженерную хитрость, которую до сих пор не оценил ни один посетитель.

Я стояла, замерев, и чувствовала себя так, словно меня выставили напоказ. Не мой проект — меня саму. Словно он смотрел не на картонные стены, а внутрь меня. В то потайное место, где прячется настоящая Элис — не Лекси, не студентка, не должница. Просто Элис, которая когда-то верила, что создаст дома, от которых люди будут плакать от счастья.

Он выпрямился. Поднял глаза. Наши взгляды встрети-

лись.

Это длилось, наверное, две секунды. Может, три. Но мне показалось, что прошла вечность. В его серых глазах не было ни тепла, ни интереса ко мне как к женщине — только холодный, оценивающий анализ. Так смотрят на уравнение, которое нужно решить. Так смотрят на деталь, которая может подойти к механизму, а может и не подойти.

Я не выдержала. Отвела взгляд первой. Почувствовала, как горят щёки, и мысленно выругалась. Почему я смутилась? Я, Лекси, которая смотрела в глаза десяткам мужчин и не краснела. Почему этот — иначе?

Когда я снова подняла глаза, он уже уходил. Медленно, не оглядываясь. Его широкая спина мелькнула между стендами, серый костюм слился с толпой, и через мгновение он исчез за колонной.

— Мисс Дюваль? — чей-то голос вывел меня из оцепенения.

Я обернулась. Перед стендом стояла женщина с бейджем архитектурного журнала.

— Простите, — я натянула профессиональную улыбку. — Вы хотели задать вопрос?

— Да, расскажите подробнее о вашем проекте. Меня заинтересовала концепция убежища.

Я рассказывала. Улыбалась. Кивала. Но мысли были далеко — там, где скрылся незнакомец в сером костюме.

Выставка продолжалась. Подходили новые посетители, я

снова и снова повторяла презентацию, но внутри поселилось странное чувство — смесь тревоги и предвкушения. Я не знала его имени. Не знала, кто он. Но что-то внутри меня уже понимало: он вернётся. Он не из тех, кто уходит навсегда, не получив того, за чем пришёл.

Я стояла у своего стенда и смотрела в толпу, ища глазами высокую фигуру и серый костюм. И ждала.

Глава 4. Инженерный взгляд

Он вернулся.

Я почувствовала его присутствие раньше, чем увидела, — воздух вокруг моего стенда словно стал плотнее, тяжелее, наполнился тем же напряжением, что бывает перед грозой, когда небо уже потемнело, но первые капли ещё не упали. Я как раз заканчивала разговор с представителем мебельной компании — что-то про экологичные материалы, про скандинавский минимализм, — когда краем глаза заметила движение слева.

Он стоял в двух шагах от меня. Тот самый. Серый костюм, тёмные волосы, холодные серые глаза. Теперь, когда он был так близко, я могла разглядеть его без помех — свет из окна падал прямо на него, и никакие тени больше не скрывали черты лица. Оно было резким, словно высеченным из камня: тяжёлый подбородок, прямой нос с едва заметной горбинкой, глубоко посаженные глаза, которые смотрели на мир с выражением спокойного превосходства. Ему было около тридцати, может, чуть меньше, но в глазах читался опыт, который обычно приходит позже.

— Это ваша работа? — спросил он, кивая на макет.

Голос оказался именно таким, каким я его представляла, пока он стоял в отдалении: низкий, с лёгкой хрипотцой, спокойный. Так говорят люди, которым не нужно повышать тон,

чтобы быть услышанными.

— Да, моя, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Элис Дюваль. Студентка последнего курса.

— Я вижу, — он перевёл взгляд на меня, и я снова почувствовала этот странный холодок вдоль позвоночника. — Адриан Кросс. «Кросс Билдинг Групп».

Он не протянул руку для пожатия, не улыбнулся. Просто назвал имя — так, словно этого было достаточно. И, надо признать, этого действительно было достаточно. «Кросс Билдинг Групп» — одна из крупнейших строительных компаний в городе, я видела их проекты в профильных журналах. Элитные жилые комплексы, офисные центры, пентхаусы с панорамными видами. И этот человек — владелец?

— Вы долго стояли в стороне, — сказала я, не удержавшись. — Прежде чем подойти.

Он чуть склонил голову набок — жест, который я не смогла расшифровать. Удивление? Одобрение? Раздражение?

— Я изучал ваш стенд.

— И каков вердикт?

Теперь он точно удивился. Его бровь чуть дрогнула — та самая, что двигалась, когда он заметил мой световой колодец. Видимо, он не привык, чтобы студентки задавали ему вопросы таким тоном.

— Вердикт? — переспросил он. — Вы мыслите как инженер. Это редкость для дизайнера.

— Я не считаю, что это редкость, — ответила я. — Дизайн

без инженерного расчёта — это просто картинка. А я проектирую дома, в которых можно жить, а не просто любоваться.

— Именно поэтому я здесь.

Он обошёл стенд — медленно, заложив руки за спину, как хозяин, осматривающий стройплощадку. Остановился у проекционного экрана, где вращалась 3D-модель.

— Световой колодец, — произнёс он. Это был не вопрос. — Расчёт для какой широты?

— Для сорок пятой. Но модель адаптивна, угол можно менять.

— А несущая способность стен? При таком объёме остекления нагрузка на каркас должна быть значительной.

— Здесь стальные балки скрытого монтажа, — я указала на эскиз. — Они замаскированы под декоративные элементы, но держат всю конструкцию. Я подготовила полный расчёт нагрузки, если вам интересно.

— Интересно, — он произнёс это слово так, словно оно имело для него особый вес. — Покажите.

Я достала папку с таблицами и графиками — ту самую, которую показывала профессору Хансену. Адриан Кросс взял её, пролистал. Я смотрела на его руки — длинные пальцы, широкие ладони, никаких украшений, кроме дорогих часов на запястье. Он читал мои расчёты с той же тщательностью, с какой до этого разглядывал макет. Не пролистывал, не скользил взглядом — именно читал, останавливаясь на ключевых цифрах.

— Кто вас учил? — спросил он, не поднимая глаз от бу-
маг.

— Я самоучка. Инженерная часть — это моё... хобби.

— Хобби, — он наконец поднял глаза, и в них мелькнуло
что-то похожее на тень улыбки. — Серьёзное хобби. Боль-
шинство моих архитекторов не делают таких расчётов.

Я не знала, что ответить. Комплимент это или констата-
ция факта? С ним было трудно понять — его лицо остава-
лось непроницаемым, как стена из армированного бетона.

— У меня есть предложение, — он закрыл папку и вер-
нул её мне. — Мой новый пентхаус. Два уровня, панорам-
ное остекление, терраса. Мне нужен полный дизайн-про-
ект. Планировка, зонирование, освещение, материалы. Сро-
ки сжатые, но бюджет не ограничен.

Я слушала его и чувствовала, как внутри всё сжимает-
ся. Пентхаус. Полный проект. Неограниченный бюджет. Это
был шанс, о котором я не смела мечтать, — шанс, который
падал прямо в руки, как спелое яблоко.

И именно поэтому я не спешила соглашаться.

— Почему я? — спросила я. — Вы владелец крупной ком-
пании. У вас наверняка есть штатные дизайнеры. Или вы
можете нанять любого профессионала в городе. Почему вы
предлагаете это студентке, которую видите впервые?

Он помолчал. Его взгляд скользнул по моему лицу — не
так, как смотрят на женщину, а так, как смотрят на задачу,
которую нужно решить.

— Потому что ваш проект — единственный на этой выставке, где я увидел не просто красивую картинку, а работающую конструкцию, — сказал он. — Мне не нужен дизайнер, который нарисует «уют». Мне нужен тот, кто понимает, как это построить. Вы понимаете.

Это было сказано сухо, по-деловому, но внутри у меня что-то дрогнуло. Он заметил. Заметил именно то, что я считала самым важным в своей работе. Не цветовую гамму, не «атмосферу», а инженерную основу.

— И ещё, — добавил он, и в его голосе промелькнуло что-то новое, — мне понравилось, что вы не испугались.

— Чего я должна была испугаться?

— Меня.

Я чуть не рассмеялась. Если бы он знал, сколько мужчин смотрели на меня так же — оценивающе, холодно, по-хозяйски. Если бы он знал, что я привыкла к таким взглядам, просто в другой обстановке и за другие деньги. Он думает, что его статус и состояние могут меня напугать? Я каждую неделю имею дело с мужчинами, которые думают, что могут купить всё.

Но вслух я, разумеется, этого не сказала.

— Я не из пугливых, мистер Кросс.

— Адриан, — поправил он. — Если мы будем работать вместе, формальности ни к чему.

— Мы ещё не договорились о работе.

— Но договариваемся, — он достал из внутреннего кар-

мана пиджака визитку — плотную, матовую, с тиснением. — Понедельник. Десять утра. Мой офис. Обсудим детали.

Я взяла визитку. На белом фоне — только имя, фамилия и номер телефона. Никаких должностей, никаких логотипов. Минимализм, который я оценила бы в любом другом контексте.

— Что, если я не приду? — спросила я, поднимая на него глаза.

— Придёте, — сказал он спокойно. — Вы не из тех, кто упускает шансы.

Он развернулся и пошёл прочь — так же, как в прошлый раз: спокойно, уверенно, не оглядываясь. Я смотрела ему вслед, сжимая в руке визитку, и чувствовала, как внутри разрастается странное ощущение — смесь азарта, страха и чего-то ещё, чему я пока не могла подобрать название.

— Кто это был? — раздался голос за спиной.

Я обернулась. Джаред, мой вечный конкурент, стоял у своего стенда и смотрел на меня с плохо скрываемым любопытством.

— Никто, — ответила я, пряча визитку в карман. — Просто посетитель.

— Ну да, конечно. «Просто посетитель» в костюме за пять штук, который торчит у твоего стенда полчаса.

Я не ответила. Повернулась к своему макету, сделала вид, что поправляю деревья во дворе. Пальцы чуть дрожали — не от страха, от возбуждения. Адриан Кросс. Пентхаус. Полный

проект. Завтра в десять.

Я не знала тогда, что это приглашение изменит всё. Что человек, который только что стоял передо мной, станет для меня не просто работодателем. Что он увидит меня настоящую — и это будет одновременно самым страшным и самым прекрасным, что случится в моей жизни.

Но пока я просто стояла у стенда, смотрела на дверь, за которой он скрылся, и чувствовала, как где-то глубоко внутри разгорается искра. Та самая искра, из которой потом разгорается пожар.

Глава 5. Правила игры

Кира сидела на подоконнике, поджав под себя одну ногу и болтая второй — на ней был короткий шёлковый халат, который она называла «домашним», хотя стоил он как моя месячная аренда. В руке она держала чашку с чем-то дымящимся — не чай, судя по запаху, а глинтвейн. Кира могла пить глинтвейн в любое время суток, в любую погоду и по любому поводу. Сегодня поводом была я.

— Рассказывай, — потребовала она, едва я переступила порог после выставки. — Всё. С самого начала. Кто он, как выглядит, что сказал.

Я сбросила туфли, прошла на кухню и налила себе воды. После выставки в горле пересохло — то ли от бесконечных разговоров, то ли от напряжения, которое до сих пор не отпускало. Достала из кармана визитку и положила на стол.

Кира прыгнула с подоконника, подошла, взяла карточку двумя пальцами. Её глаза расширились.

— «Кросс Билдинг Групп», — прочитала она вслух. — Элис, это же... Это огромная компания. Я видела их логотип на полгорода. Ты уверена, что это он?

— Он представился. Адриан Кросс.

— Адриан Кросс, — повторила Кира, пробуя имя на вкус.
— Звучит как порода собаки. Или марка виски. Как он выглядит?

Я задумалась. Как описать человека, который состоит из острых углов и холода? Из серого костюма и взгляда, пробирающего до костей? Из голоса, который звучит как приказ, даже когда он задаёт вопрос?

— Высокий, — начала я. — Тёмные волосы. Серые глаза. Очень... спокойный.

— Спокойный?

— Как удав. Он не двигается лишний раз. Не жестикулирует. Просто стоит и смотрит, и ты чувствуешь себя мышью.

Кира присвистнула.

— Опасный тип.

— Скорее, уверенный. Он знает, чего хочет.

— И чего же он хочет?

— Чтобы я сделала дизайн его пентхауса.

Кира вернула визитку на стол, но не отошла. Вместо этого она оперлась бёдрами о край стола и скрестила руки на груди — её любимая поза для серьёзных разговоров.

— Послушай, — сказала она, и её тон стал тем, который я называла «инструктажным». — Это крутая возможность, я не спорю. Но тебе нужно быть осторожной.

— Я всегда осторожна.

— Нет. Ты осторожна с клиентами агентства, потому что

знаешь правила. А это — другая территория. Это реальный мир, Элис. Там другие хищники.

— Ты говоришь так, будто я выхожу на охоту.

— А ты и выходишь. — Кира взяла с подоконника свой глинтвейн и сделала глоток. — Любой богатый мужчина, который предлагает молодой студентке работу мечты, — это либо ангел-спонсор, либо тот, кто хочет чего-то большего, чем дизайн. Ангелов не бывает.

— Ты цинична.

— Я реалистична. — Она поставила чашку и посмотрела на меня в упор. — Что ты о нём знаешь?

— Что у него строительная компания.

— Отлично. Что ещё?

Я открыла рот и закрыла. Действительно, что ещё? Имя. Фамилию. Род занятий. И холодный взгляд, который заставил меня краснеть, как школьницу.

— Вот именно, — кивнула Кира. — Ты не знаешь, женат ли он. Есть ли у него подружка. Как он относится к женщинам. Может, он коллекционер. Может, у него особые вкусы.

— Он предложил работу, а не постель.

— Пока.

Я закатила глаза, но внутри что-то неприятно шевельнулось. Кира была права в одном: я действительно ничего о нём не знала. Я позволила его харизме и моему отчаянию

заглушить голос разума. А это было опасно.

— Ладно, — сказала я. — Что ты предлагаешь?

— Во-первых, собери информацию. Интернет, соцсети, новости. Всё, что сможешь найти. Во-вторых, на встречу завтра оденься строго. Никаких открытых платьев, никаких налётов. Ты — профессионал, а не девочка для сопровождения.

— Я знаю, как одеваться.

— Знаешь. Но иногда забываешь, в каком ты режиме. А переключаться нужно чётко. — Кира взяла визитку и покрутила в пальцах. — И последнее: никакой личной информации. Он не должен знать, где ты живёшь, с кем общаешься и чем занимаешься по вечерам. Ты — Элис Дюваль, талантливый дизайнер. Лекси не существует.

— Лекси не существует, — эхом повторила я.

— Вот и умница. — Кира улыбнулась и плеснула мне глинтвейна. — А теперь выпей и расскажи, что он сказал про твой проект. Я хочу знать каждое слово.

Я рассказывала, а Кира слушала — внимательно, не перебивая. Когда я дошла до того, как он заметил световой колодец, она хмыкнула и покачала головой.

— Он разбирается, — сказала она. — Это плохо.

— Почему плохо?

— Потому что он не дурак. Дурака легче обвести вокруг пальца.

— Мне не нужно никого обводить. Я просто сделаю рабо-

ту.

— Надеюсь, — Кира допила глинтвейн. — Ладно, я в душ. А ты иди гуглить.

Она ушла, а я осталась на кухне. За окном уже стемнело, двор заливал жёлтый свет фонарей. Я открыла ноутбук и вбила в поиск: «Адриан Кросс».

Результатов оказалось много. Слишком много.

Первая же ссылка вела на сайт «Кросс Билдинг Групп» — минималистичный, в серо-белых тонах, с фотографиями завершённых объектов. Жилые комплексы, бизнес-центры, частные резиденции. Я пролистала портфолио — и невольно залюбовалась. У компании был стиль: чистые линии, современные материалы, внимание к деталям. Никакой показной роскоши, никакой мишуры. Только качество.

Дальше — новости. Адриан Кросс упоминался в деловых изданиях как «один из самых молодых и перспективных застройщиков». Интервью он давал редко, но когда давал — говорил коротко, по делу, без лишних эмоций. Я нашла одно такое интервью в архиве бизнес-журнала. Заголовок: «Адриан Кросс: я строю не дома, я строю активы». На фото он стоял на фоне строящегося небоскрёба — в каске, но в том же безупречном костюме.

Я читала интервью, и картинка постепенно складывалась.

Двадцать семь лет. Инженерное образование. Начал бизнес с нуля, без поддержки семьи. За пять лет превратил небольшую строительную фирму в корпорацию. Ни слова о личной жизни. Ни слова о семье. Только работа.

Я нашла его профиль в деловой соцсети. Фото — официальное, строгое. Список проектов. Рекомендации от партнёров. Ни одного личного поста. Ни одной фотографии с вечеринки или отдыха. Его страница была такой же минималистичной, как визитка, — только факты, ничего лишнего.

Я попробовала поискать информацию о его личной жизни. Светские хроники упоминали его имя в связи с разными женщинами, но без подробностей. «Адриан Кросс посетил благотворительный вечер в сопровождении...» — и дальше имя какой-нибудь модели или актрисы, которую через неделю сменяла другая. Никаких постоянных отношений. Никаких скандалов. Сплошная поверхность — гладкая, как стекло.

Я закрыла ноутбук и откинулась на спинку стула. Значит, он не женат. По крайней мере, официально. Постоянных отношений нет. Женщины в его жизни — расходный материал, как и всё остальное. Это должно было меня успокоить, но вместо этого встревожило ещё больше. Человек, который ни к кому не привязывается, не станет церемониться со мной.

Если он узнает про

Лекси, он просто вышвырнет меня — без эмоций, без сожалений.

Телефон снова завибрировал. На этот раз — сообщение от Марго: «Клиент подтвердил. Встреча в холле „Гранд-Паласа“ в 14:00 в пятницу. Три дня. Культурная программа. Детали у тебя на почте».

Я совсем забыла. Тот самый трёхдневный заказ, о котором мы говорили утром. Он выпадал как раз на выходные перед встречей с Адрианом. Я открыла почту и пробежала глазами файл. Клиент — господин Вернер, шестьдесят два года, владелец текстильной фабрики из Швейцарии. Приезжает в город по делам, хочет совместить бизнес с осмотром достопримечательностей. В программе: Музей современного искусства, опера, ужин в «Ривьере», прогулка по старому городу. В графе «особые пожелания» значилось: «Спутница должна быть образованной и говорить по-английски». Никаких намёков на интим. Никаких «дополнительных опций». Просто компания.

Я выдохнула. Это был хороший заказ. Из тех, что Кира называла «санаторными» — минимум грязи, максимум оплаты. За три дня я получу восемь тысяч. Деньги, которые закроют долг за материалы для макета, часть за обучение и,

может быть, даже оставят немного на новые туфли. Туфли, в которых я пойду в офис Адриана Кросса.

Мысль об Адриане кольнула где-то под рёбрами. Я отогнала её. Сначала — работа. Потом — всё остальное.

Три дня спустя, днём, я стояла перед зеркалом в прихожей и в последний раз проверяла свой образ. Дневное платье — элегантное, но не вызывающее. Лёгкий макияж. Волосы собраны в низкий пучок. Мамин кулон спрятан под воротник — я решила не снимать его на этот раз. Слишком устала, чтобы оставаться без единственного талисмана. Я еду не на ночь. Я еду на прогулку. Всё будет хорошо.

«Гранд-Палас» был одним из тех отелей, где всё кричало о роскоши: мраморные полы, хрустальные люстры, швейцары в ливреях. Я прошла через холл, стуча каблуками по отполированному камню. Господин Вернер ждал меня у стойки — сухощавый мужчина с серебристыми висками и усталыми голубыми глазами. Он был одет в безупречный серый костюм, который сидел на нём немного мешковато, словно он похудел за последнее время, но не успел заказать новый.

— Мисс Лекси? — он протянул руку. Ладонь была сухой и тёплой. — Рад познакомиться. Марго очень рекомендовала вас.

— Взаимно, господин Вернер. — Я улыбнулась своей про-

фессиональной улыбкой — открытой, но не фамильярной.
— Как прошёл ваш перелёт?

— Утомительно. Но я надеюсь, что наша культурная программа компенсирует это.

Он говорил по-английски с мягким акцентом, тщательно подбирая слова. В его глазах я заметила нечто знакомое — ту самую смесь надежды и одиночества, которую видела у многих клиентов его возраста. Он не искал приключений. Он искал, чтобы рядом кто-то был.

Мы начали с Музея современного искусства. Я водила его по залам, рассказывала о художниках — благо, история искусства входила в мою учебную программу. Господин Вернер слушал внимательно, задавал вопросы, иногда задерживался у какой-нибудь картины и подолгу молчал. Он рассказал, что его жена умерла три года назад, и с тех пор он путешествует один. Что их дочь живёт в Австралии и редко звонит. Что он чувствует себя «старой книгой, которую никто не открывает».

Я слушала и кивала. Это была моя работа — быть внимательной, понимающей, тёплой. Но впервые за долгое время я чувствовала, что мои мысли где-то в другом месте.

В субботу мы пошли в оперу. Господин Вернер надел фрак, я — длинное тёмно-синее платье с закрытым верхом.

Мы сидели в ложе, смотрели «Травиату», и я поймала себя на том, что думаю об Адриане. О том, как он смотрел на мой макет. Как его пальцы листали мои расчёты. Как он сказал: «Вы не из тех, кто упускает шансы».

Интересно, бывает ли он в опере? Или его мир — это стройплощадки, офисы, переговоры? Интересно, нравится ли ему Верди? Интересно, как выглядит его лицо, когда он слушает музыку? Я не знала ответов ни на один из этих вопросов — и меня это раздражало. Я не должна была думать о нём. Я не имела права думать о нём. Он был работодателем. Возможно, даже опасностью — Кира была права, я ничего о нём не знала.

Но он продолжал всплывать в моих мыслях, как навязчивый мотив, который невозможно выкинуть из головы.

В воскресенье днём мы гуляли по старому городу. Господин Вернер купил у уличного торговца букетик фиалок и протянул мне — просто так, без всякого умысла. Я приколотла цветы к лацкану пальто и улыбнулась. Он был хорошим человеком. Одиноким, грустным, но хорошим. Таким клиентам я всегда сочувствовала — но никогда не позволяла себе переходить грань между ролью и реальностью.

Вечером, когда программа закончилась, мы попрощались в холле отеля. Он поцеловал мне руку — старомодный жест, от которого у меня защемило в носу. И протянул конверт.

— Спасибо, Лекси, — сказал он. — Вы вернули мне ощущение, что я ещё жив.

— Это вы себе его вернули, господин Вернер. Я просто была рядом.

Он ушёл к лифту, а я вышла на улицу. Дождь наконец закончился. Город сверкал огнями, мокрый асфальт отражал витрины и фары. Я села в такси и поехала домой.

Кира встретила меня у двери с чашкой чая и требованием «рассказать всё». Я рассказала — коротко, без деталей. Она кивнула, удовлетворённая, и ушла спать.

А я осталась на кухне. Достала из сумки конверт с деньгами, пересчитала, отложила на счета. Потом достала визитку Адриана Кросса. Положила на стол перед собой. Белый прямоугольник с чёрными буквами — такой же строгий и непроницаемый, как его обладатель.

Завтра. Десять утра. Офис «Кросс Билдинг Групп».

Я смотрела на визитку и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Страх? Предвкушение? Я не могла разделить эти чувства — они сплелись в тугой узел, который я не могла распутать.

Три дня Лекси закончились. Завтра я снова стану Элис Дюваль. Талантливым дизайнером. Девушкой, у которой нет тёмного прошлого.

Я спрятала конверт с деньгами в ящик стола, сжала в ладони мамин кулон и закрыла глаза. «Ты сильнее, чем думаешь», — прозвучал в голове её голос.

Надеюсь, мама. Очень надеюсь. Завтра я буду готова.

Глава 6. Пентхаус с видом на ложь

Офис «Кросс Билдинг Групп» располагался в высотном здании из стекла и стали — одном из тех, что вырастают в деловом районе как грибы после дождя, но этот выделялся даже среди соседей. Я стояла на тротуаре напротив, задрав голову, и считала этажи. Сорок два. И где-то там, на одном из верхних, меня ждал Адриан Кросс.

Я пришла на встречу на пятнадцать минут раньше.

Вчерашний вечер я потратила на подготовку: ещё раз просмотрела свой проект, освежила в памяти расчёты, подобрала одежду. Сегодня на мне был строгий брючный костюм тёмно-синего цвета — Кира одобрила его с порога, заявив, что я выгляжу «как выпускница архитектурного, а не как девочка по вызову». Белая блузка, минимум украшений, мамин кулон на шее. Волосы собраны в тугий узел. Никакой косметики, кроме туши и бесцветного бальзама для губ. Профессионал, а не соблазнительница.

Я поправила ремень сумки на плече и вошла в здание.

Холл был огромным — с потолками в три этажа, с живой стеной из зелёных растений и стойкой ресепшена, которая больше напоминала космический корабль, чем рабочее место. За стойкой сидела девушка с идеальной причёской и голливудской улыбкой.

— Элис Дюваль, — представилась я. — У меня встреча с

господином Кроссом в десять.

Девушка сверилась с планшетом, кивнула и протянула мне гостевой пропуск.

— Сороковой этаж. Лифт справа. Господин Кросс уже ждёт вас.

Уже ждёт. Я мысленно усмехнулась. Конечно, ждёт. Такой человек, как он, не опаздывает — и не заставляет ждать других. Пунктуальность — это форма контроля. Я знала это, потому что сама пользовалась тем же приёмом.

Лифт был из тех, что движутся почти бесшумно, — только лёгкое гудение и смена цифр на табло. Я смотрела на своё отражение в зеркальной стене и повторяла про себя: «Я — Элис Дюваль. Талантливый дизайнер. У меня нет тёмного прошлого. Я здесь, чтобы сделать работу».

Двери открылись на сороковом этаже. Я ожидала увидеть обычный офисный коридор — ковровую дорожку, стандартные двери, таблички с именами. Вместо этого я оказалась в пространстве, которое само по себе было произведением архитектурного искусства. Открытая планировка, стеклянные перегородки, через которые был виден весь этаж. Белые стены, тёмное дерево, светильники, встроенные в потолок так, что их почти не было заметно. Людей было немного, но все они двигались с той особой сосредоточенностью, которая отличает профессионалов высокого класса.

Ко мне подошла женщина лет сорока в элегантном сером платье — судя по осанке, личный ассистент.

— Мисс Дюваль? Пройдёмте, господин Кросс ждёт вас в своём кабинете.

Мы прошли через опенспейс к двери из матового стекла. Ассистент постучала, приоткрыла дверь и объявила:

— Мисс Дюваль.

— Пусть войдёт, — раздался изнутри знакомый низкий голос.

Я вошла.

Кабинет Адриана Кросса был под стать своему хозяину — строгий, функциональный, без единой лишней детали. Панорамное окно во всю стену открывало вид на город: небоскрёбы, уходящие в серое небо, извилистая лента реки вдалеке, мосты, дороги, крошечные автомобили. На фоне этого пейзажа он казался почти монументальным — сидел за широким столом из тёмного дерева, в том же сером костюме, что и на выставке, и просматривал какие-то документы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.